

ОЛЬГА РУЗАНОВА

ЛЕГЕНДА
О РОЗЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Ольга Сергеевна Рузанова

Легенда о розе.

Цена предательства

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69410524
SelfPub; 2023*

Аннотация

– Брось расклад, ба, – прошу я, подаваясь вперед и опираясь локтями в стол.– Что, Крысеныш покоя не дает?– Он вернулся.– И ты хвостом закрутила, – добавляет, туша окурок в пепельнице.Ловко перетасовав карты, предлагает вытянуть одну из них. Делаю, как велит, и протягиваю ей пикового валета. Разложив веер, сильно хмурится и принимается постукивать узловатым пальцем по красному дереву стола.– Ну?– Че, ну! Дура ты!– Почему?– Дура баба! – начинает хрипло смеяться, а у меня от ее смеха мороз по коже, – дура и все! Не тем местом думаешь! Ноги в кровь сотрешь, пока за своей любовью бегать будешь. А когда поймешь, что не в ту сторону бежала, будет уже поздно, – обреченно машет на меня рукой, – говорю же, дура.

Содержание

Глава 2.	12
Глава 3.	19
Глава 4.	26
Глава 5.	32
Глава 6.	39
Глава 7.	46
Глава 8.	53
Глава 9.	60
Глава 10.	66
Глава 11.	73
Глава 12.	80
Глава 13.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Ольга Рузанова

Легенда о розе.

Цена предательства

Аннотация

Я всегда любила его. Подонка, предавшего меня 8 лет назад. Тогда он втоптал мое имя в грязь на глазах у всего города, а затем много лет скрывался от возмездия.

И вот теперь, когда все, кроме меня о нем забыли, он вернулся.

– Брось расклад, ба, – прошу я, подаваясь вперед и опираясь локтями в стол.

– Что, Крысеньш покоя не дает?

Я даже не удивляюсь. Не знаю, откуда, но старая ведьма всегда в курсе событий.

– Он вернулся...

– И ты хвостом закрутила, – добавляет, туша окурок в пепельнице.

Ловко перетасовав карты, предлагает вытянуть одну из них. Делаю, как велит, и протягиваю ей пикового валета.

Она недовольно качает головой и начинает раскладывать карты полукругом, а я внимательно слежу за выражением ее морщинистого лица.

Разложив веер, сильно хмурится и принимается постуки-

вать узловатым пальцем с огромным перстнем по красному дереву стола.

– Ну?..

– Че, ну! Дура ты!

– Почему?

– Дура баба! – начинает хрипло смеяться, а у меня от ее смеха мороз по коже, – дура и все! Не тем местом думаешь!..

Пока я пытаюсь разгадать значение ее слов, каркающий смех переходит в кашель. Хронический, застарелый кашель курильщика с огромным стажем.

Быстро встав, наливаю в стакан воды из графина и подношу к трясущимся губам.

– Пей.

Бабка делает несколько жадных глотков, а затем, отдышавшись, добавляет:

– Ноги в кровь сотрешь, пока за своей любовью бегать будешь. А когда поймешь, что не в ту сторону бежала, будет уже поздно, – обреченно машет на меня рукой, – говорю же, дура.

Глава 1.

Прислонившись лбом к прохладному стеклу, прикрываю глаза. Начинает болеть голова.

Бизнес – встречи всегда утомляют, а они в последнее время случаются все чаще и чаще. Сегодня с договорным отделом утверждали список вип – арендаторов нового торгового центра «Кристалл-молл». Завтра – торжественное открытие

бьюти – студии.

– К Гиви заедем?

Приоткрыв глаза, фокусирую взгляд на короткостриженном затылке нашего начальника охраны Алекса.

– Да, давай.

Люблю этот ресторан. И Гиви мужик приятный. Жаль, он не знает, что скоро нашей дружбе конец. Через пару месяцев у меня самой откроется целая сеть ресторанов грузинской кухни.

Вадик, мой водитель, аккуратно паркуется на стоянке для постоянных клиентов. Алекс выходит и, окинув профессиональным взглядом местность, открывает мою дверь.

– Ирма Сергеевна, – сложив руки в молитвенном жесте, нараспев произносит хостес, – просим – просим...

– Добрый день, – отвечает за меня Алекс.

Прямым ходом идем в закрепленную за моей семьей кабинку, в которой, как по волшебству, нас уже ожидает официантка с планшетом.

– Бодриони, ростбиф и зеленый чай, – сходу диктую свой заказ.

– Хорошо, а вам? – девчонка смотрит на моего начальника охраны, и я буквально вижу, как вспыхивает ее взгляд.

Не удивлена. Закономерная реакция на достойного самца. Он у меня бывший СОБРовец, два метра роста, военная выправка и подавляющий взгляд.

Настоящий мужик.

– Стейк медио и овощи на гриле.

– Вино? – чирикает девка.

– Вода без газа.

Ослепительно улыбнувшись, она выплывает из кабинки.

Новенькая. Вряд знает, у кого взяла заказ.

Ужиная, тихо переговариваемся о делах. Завтра трудный день. Будет телевидение и приглашенные звезды. Вечером – большой банкет.

У меня только от одной мысли об этом заранее трещит голова. Ненавижу эти сборища.

Отправив в рот кусочек баклажана из салата, внимательно слушаю Алекса. Сверяясь с записями в телефоне, он перечисляет мне основные пункты нашего завтрашнего маршрута.

Я киваю, изредка внося поправки, и отвлекаюсь на звук быстро приближающихся к нашей кабинке мужских шагов.

Мы с Алексом быстро переглядываемся. Оба понимаем, что-то здесь не так, потому что весь персонал ресторана обучен передвигаться бесшумно.

Молниеносно соскочив, охранник выхватывает оружие из кобуры и наставляет на появившуюся в дверном проеме мужскую фигуру.

– Стоять!

Высокий парень медленно поднимает руки и скидывает с головы черный капюшон.

То, что я чувствую, сравнимо с ударом в грудь тупым ко-

пьем, хотя внешне я само спокойствие.

Марк Кляйс. Любимый мой. Предатель.

Прежде, чем исчезнуть восемь лет назад, выполоскал мое имя в помоях, а заодно, разбил девичье сердце.

Все так же, держа руки поднятыми, склоняет голову набок и, заломив бровь, медленно растягивает губы в порочной улыбке.

– Здравствуй, Ириша, душа моя.

Складываю руки на столе и, сощутив глаза, осматриваю его с ног до головы.

Он изменился. Сильно.

Стал выше, похудел, но раздался в плечевом поясе. А вот глаза... глаза остались прежними. Азарт и бесшабашность и запредельная наглость. То, за что я его когда-то полюбила.

– Убери оружие, Алекс, – продолжая разглядывать Кляйса, проговариваю негромко.

– Остынь, чувак, – поддакивает Марк и расхлябанной походкой подходит к столу.

Плюнув в ладони, вытирает их о черные джинсы и вальяжно разваливается на стуле Алекса.

У меня внутри все полыхает. Утихшая было головная боль, усиливается с каждой секундой.

Ненависть к этому подонку выжигает легкие кислотой.

– Ты стала еще красивее, Иринка.

– Прости, не могу сказать о тебе того же. Выглядишь паршиво, Марик.

На подвижном лице Кляйса мелькает удивление. Откинув голову назад, он начинает звонко смеяться.

Этот смех я тоже любила когда-то. А потом он мне долго снился в кошмарах.

– Что ты хотел? – оборвав его веселье, спрашиваю я.

Продолжая улыбаться, Кляйс, чешет языком верхние клыки.

– Устрой мне встречу со Старым.

Настает моя очередь удивляться.

Устроить ему встречу с моим дядей? Тем, кто предлагал за его голову баснословные деньги?

– Хм... думаю, дядя будет счастлив с тобой повидаться.

Место на городском кладбище все еще ждет тебя.

Марк снова заливисто хохочет. Словно хорошую шутку услышал. Но я бы на его месте не была так самонадеянна. Мой дядя Олег Стародубцев до сих пор восстанавливает репутацию нашей семьи после того, что сделал Марк.

Мерзавец. Если бы силой мысли можно было убивать, он уже давно бы кормил червей, но увы...

– Как же я скучал по тебе, красатуля, – все еще смеясь, проговаривает Марк.

Сцепив руки в замок на затылке, ласкает взглядом мою шею и область декольте.

– Сладкая... – облизывает губы.

– Заткнись! – шиплю в ответ, чувствуя, как клокочущая в груди ярость начинает срывать все запоры.

– Я все помню, Ириш... – небрежно отодвинув тарелку с салатом Алекса, ложится грудью на стол, – помоги по старой дружбе, а...

– Валил бы ты из города, Кляйсеньш. А я по старой дружбе никому не скажу, что видела тебя.

Его губы по инерции продолжают улыбаться, а в темно-карем взгляде сквозит раздражение. Неужели думал, что дурочка Ирма встретит его с распростертыми объятиями?

– А если я тебя отблагодарю, как следует? – понижает голос до интимного шепота, – так, что ты потом три дня ходить не сможешь...

Я даже среагировать не успеваю. Всего одно мгновение, и лицо Марка оказывается расплюснутым о стол. Сдавлив за тылок одной рукой, Алекс удерживает Кляйса в полусогнутом состоянии.

Тот даже не сопротивляется, скосив взгляд, смотрит на меня снизу вверх и продолжает нагло ухмыляться.

Мне тоже выдержки не занимать. Накальываю на вилку дольку помидорки, отправляю ее в рот и запиваю водой из стакана.

– Отзови пса, Ириш, – хрипит Марк, – я все понял.

Делая знак рукой, велю Грозовому его отпустить. Только вместо этого Алекс сдавливая шею Кляйса еще сильнее. Лицо багровеет, дернувшаяся рука смахивает со стола одну тарелку.

Звон разбившейся о кафельный пол керамики оглушает.

– Алекс... – повторяю, поднимая на него взгляд.

Охранник мой посыл принимает. Постепенно ослабляет хватку, а затем и вовсе отпускает шею Кляйса.

Марк, хватая воздух губами, поднимается, трет горло, пошатываясь, идет на выход.

– Рада была повидаться, Марик, – посылаю в спину и кладу в рот еще одну помидорку.

– Увидимся еще...

Как только стихает звук его шагов, у меня начинается жесткий откат. Меня начинает колотить так, что я не в состоянии удержать в руках вилку. Роняю ее в тарелку с салатом и закрываю лицо руками.

– Отвези меня домой.

Глава 2.

Сидя на заднем сидении Мерседеса, скольжу слепым взглядом по проплывающему мимо городскому пейзажу. В груди разрастается тревога. Интуиция шепчет, что мы на пороге больших проблем.

Неспроста он объявился. Пришел требовать свое. Только кто ж ему теперь отдаст? Капиталы его семьи давно поделены между Шумовыми и нами, Стародубцевыми, завод продан.

Фамилия Кляйс больше не числится в списке хозяев нашего города.

Но не это самое неприятное. Я не могу отрицать факт, что этот гад все еще волнует меня. Что его развязное поведение и наглая ухмылочка заставляет сердце биться чаще.

Ненавижу мудака.

Достаю из сумки звонящий телефон и принимаю вызов.

– Ирма, ты где? Скоро будешь? – спрашивает в трубке голос Митрича.

Ясно. Значит, все уже в курсе.

– Да, скоро буду.

– Крысеныш вернулся, – после недолгой паузы проговаривает он.

– Знаю. Встретились уже.

– Как? Где? Когда? – тараторит мой крестный.

– Только что у Гиви... – отвечаю я, – Митрич, давай дома

поговорим.

Присутствие Алекса меня не смущает. Он мой телохранитель во всех смыслах этого слова, и от него секретов нет. А вот говорить о подобном при водителе – моветон.

– Жду, Ирмочка, не задерживайся.

– Угу...

Отключаюсь и роняю телефон на колени. Давящая на виски головная боль поднимает волну тошноты.

– Я займусь им, – подает голос Алекс.

По спине змейкой ползет холодок. Просто я очень хорошо знаю, что Грозовой имеет в виду.

– Не надо... Пусть просто уберется из города.

Пусть живет, но где-нибудь на другом конце Света.

Ловлю внимательный взгляд Алекса в зеркале, тихо усмехаюсь.

– Роз купи мне.

Молча кивнув, он говорит Вадику, где остановиться и выходит из машины в цветочный бутик. А уже через несколько минут на мои колени опускается охапка благоухающих красных роз.

– Спасибо, – бормочу тихо, поднося бутоны к лицу.

Розы. Моя слабость. Ни дня не могу прожить без их аромата, только они в силах восстановить мое душевное равновесие.

Наполняю легкие их запахом и чувствую, как отступает головная боль, дышу ими, пока едем до дома.

Наша усадьба находится за городом. На охраняемой территории площадью почти в 20 гектаров. Помимо жилой застройки, мы владеем огромным сосновым бором, чистым озером, полем для игры в гольф, теннисным кортом, а также базой для подготовки и тренировки силовиков для наших охранных агентств.

Миновав шлагбаум, проезжаем засаженную голубыми елями аллею и останавливаемся у металлических ворот, которым позавидовал бы любой среднестатистический средневековый замок. Пережиток девяностых.

Бесшумно разъехавшись в стороны, они пропускают мой Мерседес уже непосредственно во двор нашего дома.

– Ты как? Легче стало? – помогая мне выйти, спрашивает Алекс.

– Да.

Подхватываю букет и иду в дом. Вручаю его встретившей меня на пороге Люсе, нашей домработнице и сразу направляюсь в кабинет дяди, надеясь найти там Митрича.

– Привет, – целую старика в пухлую, как у ребенка щеку и опускаюсь в объемное кресло, стоящее во главе овального дубового стола.

Митрич начинает суетиться, наливает для меня стакан воды, себе – виски со льдом. Достает из внутреннего кармана частый гребешок и причесывает заметно поредевшие за последние годы волосенки.

Смешной и безобидный на первый взгляд, но каждая со-

бака в нашем городе знает, что Залозный Николай Дмитриевич волк в овечьей шкуре. Человек с нюхом ищейки и хваткой бульдога. Много лет был правой рукой моего отца, а после смерти родителей по наследству перешел моему дяде Олегу Петровичу Стародубцеву.

Не имея собственной семьи, живет в нашем доме и фактически является членом семьи.

Сделав внушительный глоток виски, ставит стакан на стол и закусывает долькой лимона.

– Он еще вчера засветился. Устроил дебош в Шумовском клубе.

– У Шумовых? – быстро переспрашиваю я.

Зачем он к ним пошел? Тут одно из двух – либо оказался в их клубе по чистой случайности, что неудивительно, потому что львиная доля ночных заведений нашего города принадлежит им, либо решил играть сразу на два фронта.

Ему известно, что между Стародубцевыми и Шумовыми застарелая вражда.

– Ни с кем из Шумовых не общался, – тут же добавляет Митрич, – набухался и свалил с первой попавшейся шлюхой.

На последних словах стискиваю стакан в пальцах до побелевших костяшек.

Кобель.

– Как думаешь, зачем вернулся?

– Кто ж знает, что в его дурной башке? К тебе зачем сунулся?

– Просил встречу с дядей организовать.

– Даже так? – удивляется старик.

Ослабив галстук на шее, задумчиво потирает круглый подбородок. Сомнений нет, уже завтра ему будет известен весь расклад.

Наш Митрич знает все обо всех. Без его ведома в городе вороны не каркают и кошки не рожают. У него уши и глаза абсолютно повсюду. Недаром дядя называет его старой сплетницей, хотя, чего греха таить, его любопытство выручало нас не раз и не два.

– Тебе надо охрану усилить, – постукивая пальцем по столу, вдруг выдает он, – ох, не к добру все это, не к добру...

Я согласно киваю. Надо, значит, надо. Скажу Алексу, чтобы выделил в сопровождение еще одну машину. Потому что я хорошо помню, если за дело взялись Шумовы – жди беды.

Митрич доливает себе спиртного и, выглянув в окно, достает из бара еще один бокал.

– Дядька твой приехал.

Освободив кресло хозяина нашей семьи, с ногами усаживаюсь на диван. Вскоре за дверью слышатся быстрые шаги, а следом в кабинет входит мой дядя, старший брат моего отца, Олег Петрович Стародубцев.

Высокий импозантный мужчина с седыми волосами и модной бородкой.

Бросив на меня короткий взгляд, сразу проходит к своему креслу. Принимает бокал из рук Митрича и выпивает его

залпом.

– Что делать будем, Олег? Сопляк встречу с тобой просит.

– Устрой. Послушаем, что скажет.

Я внутренне вся подбираюсь. Вонзаю ногти в ладони и ку-саю губы.

– Может, он вину свою искупить перед нами хочет? – про-должает говорить дядя, двигая стакан Митричу, – да, Ирма?

– Я с вами!.. На встречу.

– Нет.

– Почему?

– Нечего там бабе делать.

– Но это касается меня! – упрямлюсь скорее по привыч-ке, прекрасно понимая, что дядя никогда не меняет своих решений.

– Разговор окончен.

Встаю с дивана и, обхватив плечи руками, иду на выход.

– Подергайся мне еще! – летит в спину, но я не реагирую.

Но и хлопнуть дверью себе не позволяю, у нас так не при-нято.

Выхожу в холл, поднимаюсь на второй этаж и сворачиваю в коридор, ведущий в правое крыло дома, туда, где располо-жены мои комнаты. Малая гостиная и просторная спальня с выходом на двухуровневую террасу.

Ходом иду в ванную комнату и открываю кран. Горячая вода должна снять напряжение. Возвращаюсь в комнату и раздеваюсь догола. Собрав волосы на макушке, погружаю те-

ло в ароматную пену с ароматом розы.

Прикрываю глаза и вспоминаю, с чего все началось.

Глава 3.

На заре девяностых, когда страна увязла в беззаконии и хаосе, власть в нашем городе поделили четыре уважаемые семьи. Четыре бизнесмена, когда-то считавшие друг друга друзьями.

Все они выходцы из силовых структур. Бывшие участковый, опер-уполномоченный по особо важным делам, прокурор и следователь районного отдела милиции.

Бывший опер Шумов Валентин Семенович и до развала Советского Союза не брезговал грязными делишками. А после, воспользовавшись ситуацией и огромными связями с криминальным миром, взял под контроль незаконный оборот оружия, наркотиков и расцветающую в городе буйным цветом проституцию.

Соответственно, все кабаки, ночные клубы, сауны и бордели были, и по сей день остаются, под его семьей.

Кляйс Кирилл Андреевич, бывший следак, тут же приватизировал крупнейший в области вино-водочный завод, а так же поставил на поток розлив паленой водки и псевдоэлитного алкоголя и снабжал ими торговые сети от Калининграда до Владивостока.

Мой отец, Стародубцев Сергей Петрович оказался дальновиднее своих товарищей. Оформив на свое имя принадлежавший тогда государству цех по огранке драгоценных кам-

ней, взял обещание с друзей не мешать ему исследовать горные породы Бурятии на предмет новых месторождений.

Был еще Князев Артур Гаврилович, взявший шефство над местной прессой и телевидением. Но как только дружеские отношения трансформировались во вражду и соперничество, и в городе стали происходить странные убийства, он с семьей бросил все и эмигрировал из России в Канаду.

Поначалу, первые несколько лет, в городе царили тишь и благодать. При поддержке столичной братвы, четыре товарища уверенно держали под контролем все сферы жизни нашего города.

Каждый месяц держали Совет и даже дружили семьями.

Равновесие нарушилось, когда один из них понял, что его товарищ куда успешнее, чем он сам.

Когда мои родители открыли свой Ювелирный Дом, а полуправильный экспорт нефрита, добытого в новых месторождениях, в Поднебесную сделал отца долларовым миллионером, Валя Шумов перестал спать ночами.

Сгнивая заживо от зависти, он, тем не менее, еще долго носил маску друга нашей семьи. Валентин так тщательно скрывал свою ненависть, что, когда у отца начались проблемы с провозом нефрита и алмазов через границу, когда по странному стечению обстоятельств начали пропадать целые партии драгметаллов и, наконец, выгорел самый крупный из его цехов, на друга семьи даже тень подозрения не пала.

Это и стало роковой ошибкой.

За день до моего одиннадцатилетия машину с моими родителями расстреляли неизвестные. Папа, мама, а также их охранник и водитель погибли на месте. Меня в ней не оказалось по чистой случайности. Я не поехала с ними в театр из-за начавшейся ангины.

Они так и не узнали, кто был их заклятым врагом.

Правда всплыла много лет спустя, когда Валентин снова решился на убийство. На этот раз мишенью стал Кирилл Кляйс, отец Марка. Но просто нанять киллера, чтобы убрать его, Шумову показалось мало. Он решил убить двух зайцев одним выстрелом. Стравить моего дядю, занявшего место отца, и Кляйсов. А затем повесить его убийство на нашу семью.

Поссорить наши семьи у него получилось великолепно, вот только дальше все пошло не по плану. Марк, который должен был погибнуть вместе с отцом, остался целым и невредимым и в пьяном угаре сболтнул лишнего.

Рассказал, как Шумов подкинул его недалекому папаше идею влюбить меня в Марка, а затем, с целью шантажа моего дяди, снять порно со мной в главной роли.

Фильм получился шикарный и вышел в прокат на всех экранах нашего города. Любой желающий мог рассмотреть все интимные места моего тела, а также сосчитать количество родинок на левой ягодице и обсудить крохотный шрам под грудью.

Жаль только, что актриса оказалась неопытной. Но ее

можно простить, это был ее первый раз.

Валентин рассчитал все до мелочей. Зная жесткий характер моего дяди, он ждал кровавой бойни, под шумок которой можно было избавиться от обоих Кляйсов, а их смерти повесить на мою семью.

Но... вышло, как вышло.

Выживший Марк спутал Шумову все карты и пустился в бега. Восемь лет прятался и от Шумовых и от Стародубцевых.

После его исчезновения еще целый год в городе была большая смута. В перестрелках и резнях погибали люди каждой из враждующих сторон. Горели клубы и рестораны Шумовых, взрывались наши склады, автомобили и недвижимость. На всех членов обеих семей велась настоящая охота.

Это обязательно закончилось бы полным уничтожением одного из кланов, если бы московскому смотрящему не надоело смотреть на этот беспредел.

Под угрозой лишения всего имущества им предложили либо помириться, либо обоим покинуть город и разъехаться по разным сторонам. Никто из них терять нажитое не захотел, поэтому оба сделали вид, что простили друг другу все обиды и продолжили дальше жить в одном городе и заниматься тем, чем занимались раньше.

Только теперь, вместо четырех фамилий, осталось две. Шумовы и Стародубцевы.

А вот зачем вернулся Кляйсеньш, или как его стали на-

зывать после того скандала, Крысеныш, еще предстоит выяснить.

Из воспоминаний меня вытягивает ощущение холода. Ванна давно остыла, а за окном совсем стемнело.

Выбравшись из воды, быстро обматываю вокруг груди полотенце и босиком, на цыпочках, бегу в комнату. Проходя мимо комода, машинально пихаю нос в красные бутоны, делаю вдох полной грудью и только после этого надеваю сорочку из тончайшего шелка. Набрасываю на холодные плечи плед и звоню Люсе с просьбой, принести мне чаю с мятой.

– Вы бы поели, Ирма Сергеевна, – предлагает женщина, подавая мне чашку с чаем.

– Не хочу, спасибо, – отзываюсь вяло, – в ресторане поужинала.

При воспоминании о неожиданной встрече меня невольно передергивает. Пред мысленным взором тут же всплывает наглая ухмылочка Кляйса.

Как же я любила его!

Все эти его ужимки, нахальные улыбочки, насмешливые взгляды. Пошлые шуточки и откровенные прикосновения.

Подонку даже пальцем пошевелить не пришлось, чтобы я бегала за ним, как мартовская кошка. Я и так была влюблена в него чуть ли не с семи лет, с первой встречи на чьих-то там похоронах.

Помню, как в отместку родителям за то, что они притащили меня на столь скучное мероприятие, я специально спря-

талась от них среди толпы скорбящих родственников покойного. Да так хорошо, что в итоге сама потерялась.

Испугалась сильно. Бегала от одной кучки людей к другой, пока меня не остановил мальчишка чуть старше меня с двумя ямочками на щеках и смешливыми глазами цвета кофе без молока.

Похохотав надо мной от души, взял за руку и отвел к моим родителям. Они ругались, а я смотрела в спину удаляющегося мальчика и понимала, что влюбилась навсегда.

Тайно вздыхала по нему десять лет, пока вдруг однажды, встретившись на очередном банкете, он не позвал меня на свидание. Родителей тогда уже не было, а мой дядя опекун был категорически против нашей с Марком дружбы, несмотря на то, что я была уже совершеннолетняя. Не нравилось ему его воспитание.

Но разве меня было возможно остановить? Любой запрет тогда воспринимался мною, как вызов. Я стала сбегать, тайно встречаться в стенах балетной школы, в которую меня возил водитель, обжиматься с ним на заднем дворе гимназии, а с выпускного и вовсе исчезла с Марком, дав ему возможность записать то самое кино.

Боль от его предательства была пропорциональна моей к нему сумасшедшей любви.

Выстрел в грудь, при котором пуля застревает в сердце. Поначалу выжигает все внутри раскаленным металлом, а затем, остыв, провоцирует нагноение и гангрену.

Я тогда разума лишилась. Да так, что после окончания школы никуда не смогла поступить. Дядя с крестным, опасаясь за мое состояние целый год возили ко мне психологов, врачей и даже медиумов. Но помогло лишь время.

Через год стало легче, а еще через два года начальником нашей охраны стал Алекс.

Глава 4.

Допиваю остывший чай и подхожу к окну, чтобы выглянуть на задний двор. По освещенной тусклым светом фонарей территории бегают доберманы, а во флигеле Алекса погашен свет.

В этот момент дверь за моей спиной бесшумно отворяется, слышатся шаги и вскоре на мою талию опускаются большие сильные ладони.

– Кого там высматриваешь? – шепчет на ухо мужской голос, – меня?

– Нет, конечно... делать мне больше нечего...

С тихим смешком Алекс разворачивает меня к себе и накрывает губы поцелуем. Раздвигает зубы языком и толкается им в мой рот.

Я отвечаю. Обвив руками шею, льну к нему всем телом. Хочу, чтобы согрел и пожалел. Грозовой все понимает, он всегда чувствовал меня лучше остальных.

Запустив обе руки под подол халата, обхватывает ягодицы и отрывает меня от пола. С его комплекцией и мышечным корсетом я для него не тяжелее котенка.

Удерживая меня на весу одной рукой, второй срывает с плеч тонкий шелк. Целует шею, царапает зубами ключицы.

– Алекс... – прошу тихо, – Алекс, полижи мне...

Отпрянув, смотрит на меня затуманенным взглядом снизу

вверх. Знаю, что сделает, как прошу. Его язык любит меня едва ли не больше, чем член.

Усадив на край кровати, молча снимает халатик и опускается на колени. Откинувшись назад, я развожу ноги в стороны. По обнаженной коже, оставляя россыпь мурашек, гуляет прохладный воздух, а в месте, что сейчас рассматривает Алекс, напротив, все нагревается.

Я улыбаюсь. После нескольких лет ненависти и презрения к себе, он научил меня любить свое тело заново. Помог принять то, что случилось, когда мне только исполнилось восемнадцать, и снова довериться мужчине.

Зафиксировав мои бедра обеими руками, Алекс приступает к сольной партии. Увертюру под названием Кунилингус он исполняет виртуозно. Покрыв легкими поцелуями внутреннюю поверхность бедер, он припадает губами к моему естеству. Мягко втягивая в рот, подключает язык.

– Боже... Алекс... – начинаю задыхаться.

Кладу ладони на грудь, заключаю соски между пальцами. Мычу, когда он начинает ритмично бить языком по клитору. То замедляясь, то ускоряясь, дает мне короткие передышки.

Я начинаю ерзать, понимая, что приближается финал. Кручу головой, поджимая пальцы на ногах.

– Пальцами, Алекс... – умоляю со стоном.

Чувствую, как медленно погружаются в меня его два пальца, и встаю на мостик. Оргазм обрушивается цунами. Тело сотрясает, а он пьет мой кайф, прижавшись ртом к моей ва-

гине.

– Супер, – выдыхаю хрипло.

Подняв голову, наблюдаю, как, отпрянув, он облизывает губы. Перекидываю одну ногу через его голову и переворачиваюсь на живот. А затем, прогнувшись в пояснице, встаю на колени.

Позади слышится сбитое дыхание, бряцание пряжки ремня, шелест падающей на пол одежды, а уже в следующее мгновение я встречаю первый удар.

Звонкий шлепок по ягодице и второй удар. Вскрикиваю на каждом, потому что выдержать напор Алекса задача не из легких. Слишком он огромный для меня, большой и неутомимый в сексе.

Идеальный любовник.

Совершив серию мощных выпадов, Грозовой переворачивает меня на спину и, взяв подмышки, откидывает к изголовью. Напрочь позабыв о всех печалях, люблюсь его скульптурно вылепленным телом. Только позировал скульптору не молодой бог, а закаленный в боях воин.

Перекатывающиеся под кожей при каждом движении мышцы, словно высеченное из камня лицо и повидавший многое в своей жизни взгляд.

Встав на колени между моих разведенных ног, Алекс нависает надо мной и толкается двумя пальцами в мой рот. Я все понимаю – он хочет, чтобы я кончила еще раз.

Включившись в игру, послушно размыкаю губы и прини-

маюсь их сосать.

– Глубже... больше слюны, Ирма, – требует он.

Я завожусь по новой. Мне нравится, как он ведет себя в постели. Это на людях мы соблюдаем субординацию по принципу: работодатель – подчиненный, а за закрытыми дверями, без одежды, он главный.

Обхватив его руку обеими ладонями, облизываю пальцы, представляя, что это его член. Этими мыслями сама себя довожу до точки кипения.

Капризно хнычу, когда он забирает лакомство и вскрикиваю, когда мокрые пальцы раздвигают мои складки. Смешивая мою слюну с выделениями, мягкими движениями массирует клитор. Продолжая ласкать, вновь в меня входит.

– Хорошо тебе?

– Да, ты же знаешь...

– Знаю.

Лучше меня знает, как сделать хорошо, а все равно каждый раз спрашивает.

Максимально растягивая своим немаленьким размером, двигается размеренно, неумолимо подталкивая меня к обрыву.

О, да... сегодня у меня будет второй оргазм.

Держась руками за кованое изголовье, ловлю его тяжелый взгляд. Безжалостный, жуткий. Мне кажется, убивая врага, он смотрит на него так же. Ни капли сомнения или жалости.

Меня это вставляет не по-детски. Изнывая от похоти, так

и хочется плакать и умолять его о пощаде.

Собственно, это я и делаю. Не в силах больше терпеть, начинаю под ним извиваться.

– Хватит, Алекс... слышишь?.. Убери руку или дай мне кончить...

Рука с моей промежности исчезает.

– Ты охренел?!

Жестко усмехнувшись, он престаёт двигаться и, максимально разведя мои ноги в стороны, выпускает на место соединения наших тел порцию слюны.

Твою мать!.. Этого оказывается достаточно, чтобы вышвырнуть меня из атмосферы в космос. В глазах темнеет, а по венам растекается горячий воск.

Дальше Алекс не нежничает, закинув одну мою ногу на свое плечо, доводит себя до финала.

Разомлевшая, лежа поверх белого покрывала, из-под опущенных век наблюдаю, как Алекс одевается. Он никогда у меня не остается. Не положено.

– Как думаешь, зачем он вернулся?

– Не думай о нем. Спи, завтра трудный день.

– Что ему нужно от нас?

– Я усилил твою охрану. Выставим завтра оцепление...

– Зачем? Глупости...

– Не тебе решать.

Склонившись, дарит целомудренный поцелуй в лоб и, выходя, тихо прикрывает дверь.

С его уходом меня вновь начинают одолевать черные мысли. Ничего не могу с собой поделать. Тревожно на душе.

Услышав звук входящего на телефон сообщения, голышом бегу к сумке.

Номер неизвестен.

«Не могу не думать о тебе, Ириша. Я вернулся, чтобы быть с тобой»

Скотина.

Что за игру он ведет? Неужели думает, что я дважды наступлю на одни и те же грабли? Если так, то он конченный идиот.

– Ириша, – гримасничая перед зеркалом, передразниваю его.

Никто, кроме Кляйса, не позволяет себе меня так называть. Когда-то мне это нравилось, а сейчас бесит.

Я Ирма. Это имя мне дала моя мама, немка Эмма. Уважая светлую память о ней, не позволю его больше коверкать.

Глава 5.

Торжественное открытие нового салона традиционно назначено на шесть часов вечера. Организация у меня отлажена, каждый человек четко знает свои обязанности. Поэтому от меня требуется только появиться на открытии, перерезать шелковую ленту и сказать торжественную речь. А после еще пару часов пообщаться с телевидением, выдержать фотосессию для интернет-изданий, ответить на вопросы журналистов и удостоить своим вниманием уважаемых людей, приглашенный на открытие со всей области.

Правильно Алекс сказал – день будет сложным.

Позавтракав в одиночестве, иду в левое крыло первого этажа. Прохожу по длинному темному коридору до конца и сворачиваю направо, туда, где расположены комнаты моей бабушки по отцу Елизаветы Тихоновны.

Здесь ее покои. Царство мрачной темноты, старинных романсов и плотной дымовой завесы.

Толкнув дверь от себя, оказываюсь в круглой гостиной, полной табачного дыма.

– Ба, да сколько можно?! – ругаюсь, пытаюсь разглядеть сквозь плотную пелену бесформенную фигуру старухи в кресле – качалке.

Быстро пересекаю комнату, распахиваю тяжелые портьеры и настежь открываю окно. Бабка на меня даже не смотрит.

Зажав в зубах дымящую сигарету, раскладывает на круглом столе пасьянс.

Я падаю в кресло напротив нее и складываю руки на груди. Терпеливо жду, когда она закончит.

– Не сошелся, сука... – каркает как ворона и сгребает колоду в кучу.

– Брось расклад, ба, – прошу я, подаваясь вперед и опираясь локтями в стол.

– Что, Крысеньш покоя не дает?

Я даже не удивляюсь. Не знаю, откуда, но старая ведьма всегда все знает.

– Он вернулся...

– И ты хвостом закрутила, – добавляет, туша окурков в пепельнице.

– С чего ты взяла?

– Расклад тогда зачем? Ты же не веришь...

– Так, для интереса.

– Х@еса, – комментирует в своем репертуаре, но карты в руки все же берет.

Ловко их перетасовав, предлагает вытянуть одну из них. Делаю, как велит, и протягиваю ей пикового валета.

Она недовольно качает головой и начинает раскладывать карты полукругом, а я внимательно слежу за выражением ее морщинистого лица.

Моя бабка колоритная личность. Сухая и тощая, как жердь, почти не передвигается самостоятельно из-за разбив-

шего ее колени артрита, но при этом продолжает курить, как паровоз и материться, как сапожник.

С утра уже ярко накрашена, а иссиня-черные волосы спрятаны в косынку, повязанную по моде шестидесятых годов в виде чалмы.

Мой отец был ее младшим сыном, любимчиком, а я, стало быть, единственная ненаглядная внучка, потому что у дяди своих детей нет.

Разложив карты, сильно хмурится и принимается постукивать узловатым пальцем с огромным перстнем по красному дереву стола.

– Ну?..

– Че, ну! Дура ты!

– Почему?

– Дура баба! – начинает хрипло смеяться, а у меня от ее смеха мороз по коже, – дура и все! Не тем местом думаешь!..

Пока я пытаюсь разгадать значение ее слов, каркающий смех переходит в кашель. Хронический, застарелый кашель курильщика с огромным стажем.

Быстро встав, наливаю в стакан воды из графина и подношу к трясущимся губам.

– Пей.

Бабка делает несколько жадных глотков, а затем, отдышавшись, добавляет:

– Ноги в кровь сотрешь, пока за своей любовью бегать будешь. А когда поймешь, что не в ту сторону бежала, будет

уже поздно, – обреченно машет на меня рукой, – говорю же, дура.

В принципе, ничего нового я не услышала, потому что душой она меня чаще, чем по имени называет. Поэтому, выкинув ее бредни из головы, начинаю собираться в салон.

Сегодня на меня будут направлены объективы десятков камер. Выглядеть надо соответствующе.

Через час с Алексом и усиленной охраной прибываем в косметический салон. Он тоже принадлежит нашей семье, но перед тем, как мне туда войти, Грозовой требует все перепроверить.

Я начинаю психовать. Что, закончилась спокойная жизнь, мне снова каждое утро в страхе просыпаться?

Наконец, спустя минут двадцать, Алекс открывает дверь Мерса с моей стороны.

– Ирма Сергеевна, все в порядке, можно идти.

Я, закатив глаза, хмыкаю, но парень словно не замечает. Он ни за что в жизни меня не скомпрометирует.

Через два часа все готово. Мне нанесли вечерний макияж с акцентом на губы, волосы оставили распущенными, уложив концы естественными локонами, и помогли облачиться в белоснежное платье – футляр с украшением в виде алой розы на груди.

Все вокруг восхищенно ахают, а мне все равно. Знаю, стоит мне только выйти за дверь, кукушки перемоют все кости.

Алекс ждет в просторном холле. Встает с дивана, едва я

выхожу. Молча осматривает с ног до головы, в глазах мелькает одобрение.

Понравилось, хотя на людях комплимента не сделает.

Пока едем к месту, набираю Митрича.

– Есть новости?

– Кое-что...

– Ну!

– Вечером на встречу в Градиент придет, узнаем, что ему надо.

Отключившись, я еще долго верчу телефон в руках. Сердце против воли тревожно сжимается.

За идиота Кляйса страшно. Когда несколько лет назад дядя объявил, что искать Марка больше не собирается, признаюсь, я выдохнула с облегчением. Мне было все равно, где он прячется. Главное, чтобы он был живым.

Сейчас Кляйсеньш какого-то черта вернулся. А я понятия не имею, что в голове у моего дяди.

На место прибываем буквально за десять минут до начала мероприятия. Алекс, оставив меня в машине под охраной, уходит самолично все проверить. Вскоре возвращается, чтобы проводить через толпу.

Народу собралось немало, что неудивительно, учитывая, сколько денег мы вбухали в рекламу. Отовсюду слышатся приветствия, щелкают фотокамеры. Начинает играть торжественная музыка.

Я профессионально улыбаюсь, так, словно сегодня самый

счастливым день в моей жизни, хотя на самом деле мыслями сейчас в Градиенте с дядей и Митричем.

Под громкие овации разрезаю ленточку позолоченными ножницами и говорю традиционную речь. Чувствую себя относительно спокойно, потому что Алекс в деловой костюме и наушником в ухе всего в паре метров от меня. Среди гостей рассредоточены еще по меньшей мере с десятков наших спецов.

После завершения официальной части я выдерживаю фотосессию и делаю вид, что с огромным удовольствием общаюсь с журналистами и известными столичными быоти-блогерами.

На банкет у меня сил уже не остается. Знаю, что мои администраторы прекрасно справятся и без меня.

– Я домой хочу, – шепчу подошедшему Алексу.

– Пятнадцать минут, и мы уедем.

Я благодарно киваю. В ожидании, когда истечет обозначенное время, общаюсь со знакомыми, шучу и пью шампанское.

– Это же уже пятый салон? – спрашивает Ольга, жена владельца сети супермаркетов.

Улыбается, хлопая глазами. Излучает максимум дружелюбия. Будто я не знаю, как она сама мечтала об этих салонах. Ей мой дядя не позволил, потому что антимонопольное законодательство в нашем городе не работает.

В этом зале половина приглашенных нас ненавидят, вто-

рая половина – завидует.

Друзей у нашей семьи в этом городе нет.

Глава 6.

Назад возвращаемся поздно. Алекс, снявший неудобный для него пиджак и расстегнувший верхние пуговицы рубашки, молча сидит рядом. Глядя в телефон, с кем-то общается по делам охранного агентства.

Я же, положив голову на подголовник, безуспешно пытаюсь задремать.

– Завтра дома? – заметив, что не сплю, тихо спрашивает он.

– Два дня выходных. Устала...

– Я тогда послезавтра на карьеры еду.

Рассеянно кивнув, я погружаюсь в свои мысли. Ни дядя, ни Митрич больше не звонили. Встреча еще не закончилась или им нечего мне рассказать? Или же, наоборот, они боятся мне озвучить новости?

Марк, с его безбашенностью, вполне мог нарваться на неприятности. Дядя не из тех, кто станет терпеть хамство. А Кляйс не из тех, кто следит за языком.

Вспомнив его нахальную улыбочку, дикий взгляд и хриплый шепот, неосознанно тру горло. Мудак уверен в своей неотразимости. Тут не поспоришь – у него всегда были орды поклонниц. А я, дуручка, считала себя особенной. Выбрал меня из такого многообразия.

Ненавижу ублюдка.

По приезду домой сразу иду переодеться и смыть косметику. Захожу в комнату и сую нос в свежий букет алых роз. Обняв его руками, затягиваюсь полной грудью.

Снимая узкое платье, смотрю в окно. Дядя и Митрич сидят в подсвеченной большим фонарем беседке. Пьют коньяк и курят сигары.

Я быстро переодеваюсь, умываю лицо, заплетаю волосы в косу и, накинув на плечи бабкину шаль, бегу на задний двор.

– Ну, хвастай давай, как прошло, – лыбится подвыпивший Митрич.

Он хмелеет быстро. Становится расслабленным и любвеобильным.

Смотрю с улыбкой на Алекса. Он тоже уже успел переодеться в спортивные брюки и белую футболку и сейчас сидит напротив моего дяди с бокалом виски в руке.

Налили ему, скорее всего, за компанию, потому что все знают, что на работе Грозовой не пьет. А он сейчас на работе.

– Нормально прошло, – отмахиваюсь я, – как всегда.

– А в тырнете пишут, – икает Митрич, – ты была на высоте.

Дядя, глядя на меня поверх бокала, горделиво улыбается. Случается такое редко, поэтому такие моменты для меня особенно ценны.

– У вас... как дела? – кутаясь в собственные руки, спрашиваю негромко.

Улыбка Митрича тут же тает. Запихав в рот оливку, долго,

морщась, ее пережевывает. Дядя разливает ему и себе виски из бутылки.

– Завод свой захотел вернуть... Щенок!..

– Завод? – подаюсь вперед, – Кляйс разве не знает, что он давно продан?

После того скандала по решению москвичей вино-водочный завод Кляйсов был продан стороннему человеку, а все деньги ушли в общак.

– Знает. Компенсацию требует.

– Требует?!

Я не верю своим ушам. У него врожденный дефект отсутствия инстинкта самосохранения? Что он о себе возомнил?!

Марк не то, что требовать, он возвращаться сюда права не имеет. Не после того, что сделал!

Мой дядя все еще хозяин города, хоть и наравне с Шумовым. Откуда столько самоуверенности?

– Ага... считает, что его незаконно лишили наследства.

– За этим он вернулся? – не дыша, спрашиваю я.

Поочередно смотрю на обоих мужчин. Они так же поочередно кивают.

Мерзавец!

«Я вернулся, чтобы быть с тобой»

Ничтожество!

– Выкиньте его из города, – произношу сдавленно.

Сжимаю кулаки под столом, чувствуя, как закипает гнев. Голова, словно сдавленная обручем, заполняется болью.

– Хрен ему, а не завод, пусть катится обратно!

– Он скоро уедет, – спокойно произносит дядя, прежде чем осушить бокал.

– Если Шумовы его не пожалеют, – заплетающимся языком вставляет Митрич.

Алекс, опираясь спиной на высокую спинку скамьи, задумчиво крутит бокал с виски в руке.

– Ты обещал помочь! – с вызовом обращаюсь к нему.

– Помогу, – отвечает, глядя в бокал.

– Иди спать, дочка, ты устала, – удивленная таким обращением, вскидываю взгляд на дядю.

Он смотрит и говорит ласково, но проглядывающая за заботой решимость предупреждает, что спорить сейчас с ним, себе дороже.

Я поднимаюсь и целую в щеку сначала его, потом Митрича. Поплотнее закутавшись в шаль, бреду к дому и слышу за спиной быстрые шаги.

– Провожу, – кряхтит запыхавшийся крестный.

Мы доходим до дома, но синхронно сворачиваем на тропинку, петляющую между розовых кустов. Пик их цветения уже позади, но аромат увядающей розы даже слаще, чем свежей.

– Говори, – требую я, понимая, что в беседке мне не все сказали.

– Крысеныш клянется, что не знал о той подставе с камерами.

– Врет. Я видела ту запись, он смотрел в объектив.

Смотрел в объектив, пока трахал меня.

– Вернее, не так, он утверждает, что не знал, для чего именно это записывается.

Меня даже на смех пробивает. До жути интересно послушать версию тех событий от Марка. Решил записать видео на память, чтобы было, что посмотреть в старости вместе с внуками?

Митричу, видимо, тоже смешно. Сунув руки в карманы широких штанов, побрякивая, смеется.

– Говорит, мол, любил тебя без памяти, боялся, что Олег тебя за него не отдаст, вот ему отец и подкинул идею то видео записать, чтобы дядя твой потом не отвертелся.

– Хочешь сказать, с помощью того компромата он жениться на мне хотел?

Митрич останавливается недалеко от собачьих вольеров. Ближе не подходит, потому что у него с доберманами взаимная неприязнь. Он их побаивается, а сам для них пустое место. Собаки его воспринимают, как еще одно домашнее животное или предмет интерьера. Бесплезную вещь, не стоящую их царского внимания.

Качнувшись на пятках, он разворачивается в обратную сторону.

– Так он и сказал.

– Ты сам-то ему веришь?

– Я? Нет, не верю.

– А я тем более.

Холодает, и я запахиваю шаль плотнее.

– Что еще разузнал? – спрашиваю, уверенная, что крестный уже досье на Кляйса собрал.

Митрич довольно хмыкает. Значит, я угадала.

– Он в Сочи все эти годы жил. У родственников по матери. Сюда бежал из-за карточных долгов.

– Он играет?

– Играет. Ему, чтобы рассчитаться по долгам, и отцовского завода не хватило бы.

По спине идет мороз. Эта новость задевает меня сильнее, чем должна. Карточный долг – это святое. За нерасплату по долгам следуют самые жесткие наказания.

– Карты, женщины, алкоголь, может быть, и посерьезнее что-то...

Я убито молчу. Иду рядом с Митричем, глядя себе под ноги. Выскочивший из кустов бабкин кот нас пугает. Шикнув на него, крестный гладит меня успокаивающе по плечу.

– Нечего Крысенышу здесь делать. Пусть уезжает.

– А что ты там про Шумовых говорил?

– Есть опасение, что он к ним за помощью пойдет.

– И что тогда? – спрашиваю тихо.

– А черт его знает, что они там еще придумают.

От Шумовых просто так не отмахнешься. Они сейчас набирают вес. У Валентина большое преимущество – у него два взрослых сына. Один карьеру в прокуратуре делает, вто-

рой – депутат городской думы. Собирается выдвигать свою кандидатуру на следующих выборах мэра.

А у Олега Стародубцева только я.

Глава 7.

На следующий день дядя, Алекс и еще несколько наших людей выезжают на месторождения в Бурятию. Наши геологи – разведыватели обнаружили залежи сортового нефрита. Учитывая то, что 90 процентов добытого нефрита у нас в стране – это нефрит-сырец, найти такое месторождение – огромная удача.

Если все подтвердится и залежи окажутся объемными, дядя планирует поставить их на госбаланс и получить официальную лицензию на добычу нефрита.

Переводом из теневого в легальный бизнес он занимается уже несколько лет, потому что законодательство в этой области ужесточается с каждым годом. А оставлять мне в наследство незаконные карьеры ему не хочется.

В эти пару дней я из усадьбы никуда не выезжаю. Отдыхаю, валяясь в купальнике у крытого бассейна, читаю книги, а все рабочие моменты решаю по телефону. Штат у меня подобран профессиональный. Команда людей, которым я доверяю ведение своего бизнеса.

Есть человек, который отвечает за организацию работы всех трех моих торгово-развлекательных центров, другой человек ответственен за все салоны, ну а третья команда как раз сейчас занимается разработкой имиджа новой сети ресторанов.

Шаг рискованный, потому что когда-то все рестораны города, за исключением мелких забегаловок и общепита принадлежали Шумовым. Но, кто не рискует, то не пьет шампанского. Наши рестораны станут ответом на их сеть ювелирных салонов.

Навестив бабушку, вечером возвращаюсь в свои апартаменты и обнаруживаю в телефоне пропущенные от Кляйса.

Сердце против воли болезненно дергается. Ненормальная реакция на мерзавца.

Пока раздумываю, стоит ли мне внести его номер в черный список, телефон в моей руке оживает.

Снова он.

Оглянувшись на дверь, отвечаю.

– Чего тебе, Марк?

– Ириш, встретиться надо...

От его низкого хрипловатого голоса кожа покрывается мурашками. Ему бы секс-услуги по телефону оказывать. Озолотился бы.

– А больше ты ничего не хочешь?

– Хочу...

Козел.

Ищу глазами графин с водой и, удерживая плечом трубку, наполняю для себя стакан.

– Ириш, я серьезно... поговорить надо.

– Говори.

Облизываю губы и делаю большой глоток.

– Не по телефону, – слышу, как чиркает зажигалка, Марк закуривает, – я объясниться хочу... и тебя увидеть.

– Нет, Кляйс. Я знаю, чего ты хочешь. Я тебе в этом деле не помощник.

– Ты про завод, что ли? Ты здесь при чем? Разговор о другом будет, – слышу, как делает затяжку и выдыхает дым, – мне есть, что сказать тебе.

Вогнав ногти в кожу ладони, смотрю в окно на задний двор. Бабкин кот сидя на заборе, наблюдает, как доберманы носятся с какой-то палкой. В саду, между розовых кустов садовник стрижет газон.

– Мне не интересно, – отвечаю глухо.

– Я поговорить хочу по-человечески. Без лишних ушей... рассказать, как все тогда на самом деле было.

Закусив костяшку пальца, молчу. Марк, естественно, сразу понимает, что я сомневаюсь, и усиливает напор.

– Иришка, милая... ну дай ты мне шанс оправдаться! Ну не мог я раньше приехать!

Я теряюсь. Его голос, как раньше, утягивает меня в трясины. Часто дыша, я растираю ладонью грудь там, где сладко ноет.

– Где и когда?

– Ты согласна? – радуется Кляйс.

– Говори, где и когда, Марк, иначе передумаю!

– Меня к тебе твой пес не подпустит.

– Он в отъезде.

– Да? – в трубке слышится шорох одежды, словно он одевается на ходу и, наоборот, раздевается, – может, тогда приедешь в город?

Невольно усмехаюсь. Я ни разу в жизни не гуляла одна по городу. Это что-то из области фантастики.

– Я буду у себя в офисе через два часа. Для тебя откроют черный вход. Записывай адрес.

Отключившись, я хватаюсь за голову.

Что я творю?!

Зачем?! Что я услышать от него хочу? Все равно ведь не поверю!

В итоге, помаявшись, звоню Митричу сообщить, что мне нужно срочно в город. В отсутствие дяди он отвечает за меня головой, подставлять его не хотелось бы.

– До утра это не подождет? Когда Алекс вернется...

– Не подождет, у меня там сигналка сработала, – вру самозабвенно, – проверить надо.

– Без тебя разберутся.

– Не волнуйся, Митрич, возьму с собой Льва и Гришу.

Быстро проверю, что там, да как, и назад.

В трубке слышится тягостный вздох. Старик все еще сомневается, и тогда я иду ва-банк.

– Ну, хочешь, поедем со мной.

Еще более тягостный вздох. Митрич уже принял на грудь и собирается лечь спать пораньше.

– Ладно... только быстро. Лева пусть на связи будет.

– Океюшки!

Ненавижу врать. Последний раз я обманывала родных восемь лет назад, когда связалась с Кляйсом.

Жизнь ничему не учит меня.

Спешно собираясь, все же уделяю внимание своему внешнему виду. Помня, как он восхищался моей шеей, собираю волосы вверх, подкрашиваю глаза, губы оставляю нетронутыми.

Из одежды выбираю простое голубое платье, а сверху надеваю белый плащ до колена.

По дороге в город жутко волнуюсь и все еще сомневаюсь в правильности моего решения.

Да, черт!.. Кого я обманываю?

Не сомневаюсь я. Знаю, что дура, и так делать не должна была. Глупо и опасно. Но отказаться ему все равно не могу.

Мой офис располагается на пятом этаже одного из моих центров. Там же базируется вся координационная группа, программисты, бухгалтеры и кадровики. Здесь сердце моего бизнеса, здесь принимаются все решения и отсюда идет управление всеми объектами.

Оставив Льва и Григория дожидаться меня в большой приемной, минуя длинный коридор и сворачиваю в небольшой холл, объединяющий весь директорат.

– Ирма Сергеевна?! – вскакивает охранник с места, – что-то случилось?

– Виктор, нужно открыть черный вход.

– Зачем?

– Открой его, – глядя в испуганные глаза, повторяю требовательно.

– Хорошо...

– Открой и возвращайся на свое место.

Кивнув, охранник, спотыкаясь, бежит исполнить мое поручение. Я же сразу прохожу в кабинет и набираю Марка.

– По пожарной лестнице на пятый этаж... и не светись.

Дожидаюсь его на лестничной клетке, сложив руки на груди и подперев спиной холодную стену.

Кляйс поднимается быстро, в капюшоне на голове, по-мальчишески перепрыгивая через две ступени. Я, глядя на него, чувствую, как поднимается внутри ураган. Мы впервые наедине после нашей первой и последней ночи.

– Привет, Ириша.

Нагло обшаривает меня взглядом и становится на ступеньку так, что мои глаза оказываются как раз напротив его изогнутых в усмешке губ.

Я почти не дышу, но не могу игнорировать почти позабытый запах. Безумия и порока.

– Идем в кабинет, – говорю холодно и осторожно, чтобы ненароком его не коснуться протискиваюсь между ним и стеной.

Иду, глядя прямо перед собой. Марк, прожигая поясницу взглядом, не отстает.

Жду, когда он войдет, и закрываю дверь изнутри.

– Говори.

– Херасе! – присвистнув, крутит головой, как в музее.

– Я жду, у тебя мало времени.

Скользя кончиком пальца по стеклянной поверхности стола, прогулочным шагом Кляйс пересекает мой кабинет и подходит к окну.

Отодвинув жалюзи, смотрит на ночной город.

– Я вернуть тебя хочу, Ириш. Как увидел тебя – спать перестал.

Глава 8.

– Я думала, у тебя что-то важное, Марк, – подхожу и встаю рядом, – выходит, зря приехала.

– Не веришь?

– Если это все, то тебе пора.

– Ир, – я даже среагировать не успеваю, как оказываюсь прижатой спиной к его груди.

Тело обжигает и парализует. Колени предательски слабеют.

– Руки убери, – шиплю тихо.

Собственная слабость бесит похлеще его наглости. Втягивая воздух открытым ртом, с ужасом понимаю, что абсолютно безвольна.

– Ирма. Не ты одна тогда жертвой оказалась. Я тоже пострадал...

Его руки сжимаются на моих плечах. Из груди вырывается прерывистый вздох.

– Так я и не спорю, Марик. На твои причиндалы тоже весь город пялился.

– О том видео никто, кроме твоего дядьки, узнать не должен был... Так мне сказали.

Руки, обхватив меня под грудью, сжимаются крепче. Сильные, жилистые, из-под рукавов толстовки выглядывают татуировки. Раньше их не было. И силы столько не было.

Марк заметно возмужал.

– Ириш, я клянусь, не со зла... – продолжает он шептать в ухо, – ты же знаешь, кто за этим стоял...

Знаю, Шумов.

– Я отца потерял и сам чуть не сдох... Я хочу отомстить.

В этот момент я напрягаюсь. Не верить, ни единому слову...

– Я тут при чем? Мсти себе на здоровье.

– Поговори с дядькой...

– Нет!

Теперь пазл сошелся. Все до примитивного просто. Марк решил действовать по отработанному сценарию. Через самое слабое место Стародубцевых. То есть, через меня.

– Ир, – шепот становится настойчивее.

Кляйс пускает в ход тяжелую артиллерию. Пока я вяло сопротивляюсь, он разворачивает меня к себе и целует в губы.

Я на мгновение каменею, а потом, опомнившись, толкаю его в грудь. Но с ним это никогда не работало. Не помогает и сейчас. Схватив мои запястья, заводит руки за спину и толкает меня к столу.

– Марк, ты охренел?! Не трогай... Я заору!

Уворачиваюсь, не давая ему свои губы, но и это бесполезно. Зажав мой затылок, он вгрызается поцелуем. Давит на щеки, вынуждая открыть рот, и прикусывает губы.

– Ммм...

Больно. Но, почувствовав его вкус, внутренне рыдаю. Во-

ля утекает шелковой лентой сквозь пальцы. Хватаю ее за призрачный хвост и еще раз толкаю Марка в грудь.

– Нахрен свалил отсюда!

– Не могу, Ириш...

Нашу возню прерывает стук в дверь. Синхронно вздрогнув, мы оба на нее смотрим.

– Ирма Сергеевна! – кричит с той стороны Лев.

Быстро переглядываемся.

– Кто это?

– Тихо, – шиплю я, – уйдет, я тебя выпущу.

Стук повторяется. Оттолкнув Кляйса, я начинаю лихорадочно приводить себя в порядок.

Меня кроет паникой. Что делать? Лев сейчас тревогу бить начнет, дверь ломать.

И, словно в подтверждение моим мыслям, раздается треск, и дверное полотно отлетает в сторону.

На пороге встает фигура Алекса.

Видимо, только с дороги. В камуфлированном костюме и такой же бейсболке, широко расставив ноги, и бешено вращая глазами, переводит взгляд с Кляйса на меня.

В мои вены тонкой струйкой втекает леденящий ужас. Чувствую себя неверной женой, уличенной в измене.

– Алекс... – выдыхаю беззвучно.

– Ты че себе позволяешь, чувак? – раздаётся насмешливое за спиной.

Прикрыв глаза, я жду взрыва. И он гремит в следующую

секунду. Слышится грохот мебели, звон стекла и глухое рычание. Удерживая Марку за шкуру, как щенка, Алекс кидает его из стороны в сторону.

Лев невозмутимо стоит на пороге.

– Алекс! – выкрикиваю я, заметив, что за Кляйсом тянется полоска крови, – Хватит, Алекс!

Марк пытается что-то сделать, но до специалиста уровня СОБР ему далеко. Лицо разбито, одежда местами порвана.

– В машину его, – командует Грозовой, передавая того в руки нашим людям.

Заломив руки, Марку уводят, а мы с Алексом остаемся в кабинете вдвоем. Среди обломков мебели и битого стекла.

Он смотрит на меня, словно видит впервые. А я, корчась от стыда, прячу глаза.

– Ты что творишь, Ирма? – спрашивает тихо.

На губах все еще горят поцелуи Кляйса, а тело заледенело от ужаса. И меня саму от себя тошнит.

– Я... я думала, у него важная информация...

– Ты?... Думала?... – качая головой, разводит руками, – каким местом, Ирма?

– Не смей... так... со мной... разговаривать, – задыхаясь, проговариваю я.

– Он мог быть вооружен! – срывается на крик, – он мог взять тебя в заложники!

– Бред! – запускаю пальцы в волосы, ору в ответ, – он бы на такое не пошел!

– Ты идиотка, Ирма! Ты больная идиотка!

– Не ори на меня! Ты мне никто!

Алекс осекается. Лицо всего за мгновение превращается в каменную маску. Гнев испаряется как по волшебству. Он превращается в постороннего человека, начальника нашей охраны.

– Идем, я тебя домой отвезу.

Я беру сумку с дивана и выхожу из кабинета. Грозовой молча идет следом.

В офисе полно наших людей, а мой телефон не перестает вибрировать.

Я крупно всех подставила. И Митрича, и Леву, и Алекса. Дядя голову мне оторвет.

– Что будет с Марком? – спрашиваю, когда мы усаживаемся в машину.

– Не мне решать, – ровно отвечает Грозовой.

Отвернувшись к окну, смотрю в свое отражение. Только сейчас я начинаю понимать, что натворила. Какому риску подвергла себя и всю свою семью. И Алекс... перед ним особенно стыдно.

Повернувшись, незаметно кошусь на его профиль. Брови нахмурены, а лицо все также неподвижно. Обидела его незаслуженно.

– Прости, – шепчу виновато, когда, он помогает мне выйти из машины.

– Перед родными своими извинись.

– Как ты узнал?

– Митрич дозвонился. Засомневался он в твоих словах про сигнализацию.

Убедившись, что я дошла до дома, Алекс сворачивает на тропинку, ведущую на задний двор. Уходит, даже не пожелав спокойной ночи.

Мысленно три раза перекрестившись, я вхожу в кабинет дяди сразу попадаю под прицельный огонь. Он в выражениях не стесняется. Орет, так, что стены дрожат, и бокалы на полке подпрыгивают.

Митрич, красный как рак, сидит тихо на диване и, изредка цокая языком, осуждающе качает головой.

Я стою, понутив взгляд. Сказать в оправдание нечего.

– Дура @бнутая! Его вчера с Шумовыми видели!

– Я не знала... Он сказал, что хочет отомстить им за отца...

– Тебе и не надо ничего знать! Сиди и не высовывайся!

Разбрызгивая слюну, дядя бьет кулаком по столу. Седые волосы стоят дыбом, лицо покрыто бордовыми пятнами. Подбородок мелко трясется.

– У Валентина онкология, – попав в паузу, вставляет Митрич.

– Это же хорошо?.. – шепчу я, – или нет?..

– Хорошо?! – орет дядя, – да он знает, что я его щенков в порошок сотру, как только он сдохнет. На меня снова охота сейчас начнется!

По телу прокатывается дрожь. Я не хочу пережить это снова.

Дядя прав. Перед смертью Шумов захочет зачистить город для своих сыновей. А это значит, в ближайшее время от него можно ожидать чего угодно.

– Как ты не понимаешь, он через тебя до меня добраться хочет!

Меня снова бросает в дрожь, и теперь трясет, не переставая. От мысли, что это правда.

От мысли, что Марк снова меня использует.

Дядя еще долго орет на меня, Митрич, думая, что никто не видит, глушит коньяк. А я снова, как восемь лет назад,

чувствую себя ничтожеством.

Глава 9.

Этой ночью уснуть так и не получается. Бездвижно лежа на спине, я смотрю в потолок. За окном стрекочут кузнечики, в вольере подвывает Вольтер. Его суку, из-за начавшейся течки, пришлось убрать на другой конец двора, но он все равно чувствует ее.

Теперь страдаем с ним на пару.

Мне тоже плохо. В груди все стянуто, и болит сердце. За всех. За дядю, у которого подскочило давление, за Митрича, которого мой поступок нехило потрянул, за Алекса, за мудака Кляйса, который сейчас неизвестно, где и... за себя, дуру.

Жалко себя тоже. Не дал Бог ума. Недостойна я своей фамилии.

Тяжело вздохнув, встаю и подхожу к окну. В окнах Алекса темно. Появляется соблазн эгоистично прервать его сон. Пойти к нему и потребовать, чтобы он занялся со мной сексом.

Иногда я так делала, но сегодня не тот случай. Секс не вернет меня в его глазах на прежний уровень. Похоже, я его разочаровала.

Утром, когда с первыми лучами солнца, доберман перестает, наконец, выть, я ненадолго проваливаюсь в сон.

Будит меня Катя, наша горничная. Стоя у кровати, тихо зовет меня по имени.

– Что? – хриплю спросонья.

– Вас Олег Петрович зовет.

– Я сплю.

– Он сказал, это срочно.

Издав протяжный стон, я тру глаза. Ведь не отвертеться.

– Иди. Скажи, сейчас приду.

Кивнув, горничная исчезает.

Не любит меня, нутром чую. Всегда подчеркнуто вежлива, а в спину злобой дышит. Думает я не вижу, как она на Грозового слюни пускает. Знает, что на соперницу мою не тянет, от того и бесится, сучка.

Умывшись и почистив зубы, спускаюсь в кабинет.

Дядю еще не отпустило. Психует, дергаными движениями поправляет на шее галстук.

– Из дома ни ногой.

– У меня дела в городе.

– Перебьются твои дела, – отрезает жестко.

Я тут же взвиваюсь. Смирение не моя добродетель. Головная боль и недосып не добавляют позитива.

– У меня бизнес и дела, которые не терпят моего отсутствия!

– Рот закрыла! – рывкает дядя.

– Я не собираюсь сидеть взаперти, как нашкодившая соплячка!

– Рот, я сказал, закрыла! Не соплячка она!.. Мокрощелка безмозглая! – удар кулаком по крышке Макбука, – если по-

надобится, в вольере с собаками будешь сидеть!

Я падаю в кресло. Желание спорить испаряется как спирт на коже. Давно я не видела дядю в таком состоянии. Не к добру это.

Прикрыв глаза, устало тру лоб ладошкой. Он тоже выдыхает и, глянув на часы, поднимается на ноги.

– Дядь, – зову в спину, когда он уже выходит из кабинета, – с Кляйсом что?

– Еще раз услышу от тебя про него, я его урою!

– Выгоните его из города.

– Без тебя разберемся, – бросает через плечо, прежде чем хлопнуть дверью.

Заглянув на кухню, прошу Люсю организовать мне поздний завтрак и иду принять душ. А после велю заменить все розовые букеты в доме. Делается это раз в три дня, чтобы аромат свежих роз никогда не выветривался.

Выбираю из свежих цветов бордовые французские розы и несу их к бабушке. Знаю, она их не любит, но я все равно делаю это из вредности.

– Опять веник притащила, – ворчит бабка, раскачиваясь в кресле – качалке под старинный романс в исполнении Изабеллы Юрьевой.

– Может, хоть немного перебыют вонь табака.

Ставлю букет в керамическую вазу и сажусь напротив старухи. Закрыв глаза, она подпевает Изабелле скрипучим голосом. Я дожидаясь, когда пластинка прокрутится и убираю

с нее иглу.

– Ничего не хочешь мне сказать? – сложив руки на груди, спрашиваю дерзко.

Бабушка берет со стола серебряный портсигар и, вынув из него сигарету, щелкает зажигалкой.

– Хочу, – сделав первую затяжку, бабка вперивает в меня бесцветный взгляд, – женщина, любящая красные розы, не бывает счастлива в любви.

– Это тебе приснилось или карты твои сказали?

Но она словно не замечает моей язвительности. Выдыхает дым и снова раскачивается в кресле.

– Изначально ведь роза белой была. Как пена, из которой родилась Афродита, – сощурился глаза, снова делает затяжку, – жила себе девчонка, припеваючи, среди ароматных белоснежных роз и горя не знала.

– И что потом?

– А потом эта дура связалась с Адонисом. Бегала за ним, как собачонка, да и поранила ноги о шипы роз.

– Зачем ты мне это все рассказываешь? – спрашиваю с обидой, понимая, какие она проводит параллели.

– Розы пропитались ее кровью и стали красными...

– Ну и что? Красные розы самые красивые.

– Пока будешь таскать их в дом, твое сердце будет захлебываться кровью...

– Ой, ба!.. – перебиваю я, – кончай пургу нести! Давай лучше я Катерине скажу, чтобы тебе прогулку организовали.

Свежий воздух полезен для мозга.

– С моим мозгом все в порядке, – произносит она на одной ноте, – ты лучше о своем позаботься. Дура душой.

Оставив бабушку наедине с романсами, выхожу на задний двор. Кивнув садовнику, медленно шагаю по мощеной дорожке мимо розовых кустов.

Ее слова не идут из головы. И вроде все понятно – она не верит Кляйсу и, переживая за меня, хочет оградить от него. И легенду эту приплела зачем-то... Но что-то не дает махнуть на них рукой и забыть. Царапает внутри, колет, как шип той самой розы.

Словно знает бабушка больше, чем остальные, а предупредить не может.

Я и сама ему не верю. Он всегда был лживым. Что у него в голове и сердце, известно лишь дьяволу.

Остановившись у арки с плетистой розой, тянусь за ярким бутоном, но неожиданно напарываюсь подушечкой пальца на шип.

– Черт! – слизав капельку крови, иду дальше.

Во рту растекается вкус металла, а мне почему-то вспоминается наш с Марком секс. Первый и единственный.

Я тщательно готовилась к нему. Знала, что он случится в день моего выпускного в гимназии. Мы говорили об этом с ним.

Марк обещал, что после выпускного его отец встретится с моим дядей, чтобы уговорить того разрешить нам встре-

чаться официально.

Разве могла я тогда сомневаться в его намерениях? Мне казалось, он всегда был искренен.

Тогда, после фотосессии, вечно занятой дядя с выпускником уехал, а я, договорившись с девчонками, чтобы прикрыли перед учителями, уехала оттуда на байке Марка.

Случилось все в его элитной квартире в центре города. Мне было больно и страшно, а Кляйс вел себя как победитель.

Разглядывал меня голую, ставил в разные позы, пытался приобщить к минету. Позже я поняла, с какой целью – получить наиболее эффектные кадры, чтобы ни у одного зрителя не закралось подозрение, что это фотомонтаж.

Все получилось идеально. Утром я вернулась домой без девственной плевы, но со славой порноактрисы.

Вспомнив свою реакцию на предательство, присаживаюсь на лавку в глубине сада. Тошнит почти так же, как тогда. Першит в горле и хочется реветь.

Нет. Такое забывать нельзя. Прощать тем более.

Пусть дядя сам решает его дальнейшую судьбу.

Глава 10.

Вечером за ужином царит напряженная обстановка. Дядя, делая вид, что не замечает моего присутствия за столом, даже не смотрит в мою сторону. Митрич, подражая ему, удостоивает меня лишь односложными ответами.

Все еще злятся.

Я быстро проталкиваю в себя овощное рагу с кусочком шницеля и ухожу к себе.

С Митричем поговорю позже, когда дяди рядом не будет. Это при нем он обиженку из себя строит, а так он отходчивый.

Сейчас немного выпьет и все сплетни мне расскажет. Не получается у меня об этом придурке не думать.

Дождавшись, когда дядя уйдет к себе, спускаюсь вниз и выхожу на летнюю веранду. Крестный, сидя на диванчике, держит в руке рюмочку с наливкой.

Усаживаюсь рядом и вытягиваю ноги.

– Душно, дождь, наверное, пойдет.

– Угу...

– А по прогнозу нет.

– Ты о погоде со мной потрещать пришла? – усмехается старик.

– Да, нет... – оглядевшись по сторонам, придвигаюсь к нему ближе.

– Ну?..

– Что с Кляйсом?

– А тебе какое дело?! – взвизгивает он мгновенно.

– Он уехал из города?

– Собирается, – сощурив глаза, смотрит на меня с подозрением, – а ты с ним, что ли, собралась?

– Я?.. – изображаю крайнее изумление, – я на дуру похожа?

– Похожа.

Толкаю его в плечо, тихо смеюсь. От сердца отлегло – значит, отпустили его, раз он уезжать собирается.

Пусть едет. Скатертью дорога.

Пожелав крестному спокойной ночи, я, под видом прогулки перед сном, обхожу дом по дорожке вдоль левого крыла и, убедившись, что никто за мной не наблюдает, быстро шагаю к флигелю Алекса.

Не дает покоя мысль, что он на меня обижается.

Дойдя до домика, останавливаюсь у окна. Между полосок жалюзи пробивается тусклый свет. Значит, на месте и еще не спит.

Еще раз оглядываюсь и тяну дверь на себя. Она бесшумно отворяется, и я воровкой проскальзываю внутрь.

– Привет, – здороваюсь тихо, остановившись на пороге комнаты.

Он сидит на краю кровати и чистит оружие. Глянув на меня исподлобья, возвращается к своему занятию.

– Как дела? Как на месторождение съездил?

– Нормально.

– Что, правда, сортовой нефрит? – спрашиваю, проходя внутрь.

– Правда.

– Здорово.

Медленно приблизившись, сажусь рядом. Запах оружейной смазки давно ассоциируется у меня с Алексом, безопасностью и надежностью. Всем тем, что олицетворяет сам Грозовой.

Но запах его кожи безусловно приятнее. Прерывисто вздохнув, я утыкаюсь носом в его плечо.

– Ты мне мешаешь, Ирма.

– Алекс...

Резко поднявшись, он отходит к столу и раскладывает детали Макарова на расстеленной холщовой тряпке.

Я иду за ним. Остановившись за спиной, обнимаю за талию и прижимаюсь щекой к белой майке.

– Алекс, ты хочешь, чтобы я оправдываться перед тобой начала?

– Это лишнее, Ирма, – говорит он, – и приходить сюда тоже не надо было.

– Ты что, ревнуешь?

Ответом мне служит молчание. Сняв с себя мои руки, Алекс выходит в душевую, а когда возвращается, я уже голая сижу в его кровати.

– Ты зачем пришла? Потрахаться?

– Да! – отвечаю с вызовом, – хочу трахаться! С тобой!

Его холодность неожиданно ранит и воспринимается мною, как предательство.

– Ну, о'кей... – проговаривает тихо, – пососи мне тогда, что ли...

Снимает с себя майку и приспускает трико вместе с боксерами. Я смотрю на него во все глаза. В горле вырастает ком, а нижняя губа начинает предательски дрожать.

Он не возбужден и требует минета. Такое у нас впервые.

– Ну... – разводит руками, – видишь, я не хочу тебя, Ирма... Ты собираешься с этим что-нибудь делать?

От унижения начинает гореть кожа. Мне до жути хочется схватить одежду и бежать от него, куда глаза глядят, но врожденное упрямство сдерживает порыв.

Не прерывая с ним зрительного контакта, я поднимаюсь с кровати, не спеша заплетаю волосы в косу и, приблизившись, опускаюсь на колени.

Надеюсь, что мое лицо не отражает даже доли того, что происходит у меня внутри. Делаю все с легкой улыбкой на губах, а на деле же умираю от стыда.

Стягиваю штаны по ногам и поднимаю глаза к его члену. Он, к счастью, уже начинает приподниматься. Громко сглотив, обхватываю орган пальцами и чувствую, как быстро он увеличивается в размерах.

– Теперь хочешь? – спрашиваю хрипло.

– В рот возьми.

Брови сведены, желваки ходят ходуном, а в светло-серых глазах полыхает пламя.

Женщина внутри меня ликует. Никуда он от меня не денется, я не позволю.

Проведя рукой по стволу, погружаю крупную головку в рот. Создавая вакуум, засасываю ее глубже. Как он учил. Двигаясь взад-вперед, постепенно насаживаюсь до самого горла.

Алекс молчит. Не шевелится и ко мне не прикасается. Держится пока.

Во рту растекается знакомый вкус. Подключив язык, я облизываю каждую венку, массирую уздечку и слышу, как учащается его дыхание. Наконец, не выдержав, он обхватывает мою голову руками и начинает сам брать мой рот. Резко держа бедрами, таранит мою глотку.

Я терплю. Упираясь ладонями в узкие бедра, чувствую, как по подбородку обильно стекает слюна.

– Сука... – бормочет глухо.

Рывком поднимает меня вверх и, прижав спиной к окрашенной стене, вгоняет в меня два пальца. От неожиданности я захлебываюсь в немом крике. Тело прошивает разрядом тока.

Алекс знает, что делает. Сомкнув пальцы одной руки на моей шее, второй имеет меня снизу.

Я не могу ничего с собой поделать. Выпучив глаза, смотрю

в его искаженное злобой лицо. Между ног все горит, сводит от желания. Больно и сладко одновременно.

Это длится бесконечно. Он подводит меня к обрыву, но упасть не позволяет, кусая шею, ждет несколько секунд, и начинает пытку заново.

– Алекс... – прошу я, – пожалуйста...

Это невыносимо. Я больше не могу. Бедрa сводит судорогой, а низ живота разрывает от тяжести.

Хочу только одного – чтобы все прекратилось, а он продолжает унижать.

Когда Грозовой в очередной раз не позволяет мне кончить, я начинаю рыдать. Позорные горячие слезы бегут по лицу, затекают в рот, наполняя его солью. Я начинаю бить кулаками по каменным плечам.

– Отпусти! Козел... ненавижу...

Алекс, наконец, реагирует. Отпустив мою шею, проводит подушечкой большого пальца по мокрому лицу.

– Убери руки, – рыдаю я.

– Ладно... все, успокойся.

Прижимает меня, сопротивляющуюся, лицом к своему плечу и принимается мягко массировать клитор. Надавливая, обводит по часовой стрелке и мягко шлепает ладонью по промежности.

Этого оказывается достаточно. Мощный оргазм обрушивается лавиной. Сотрясаясь, я продолжаю реветь. А Алекс меня жалеет, удерживая на весу, целует лицо. Переживает

мою истерику и помогает одеться. Затем одевается сам.

– А ты? – спрашиваю, намекая на то, что он так не кончил.

– Я не хочу.

Стою, прислонившись спиной к стене и обхватив себя руками. Все еще трясет.

– Ты больше не хочешь со мной?..

– Не хочу.

Глава 11.

Следующая неделя отвратительна. Не умея прятать поганое настроение, я срываюсь на всех подряд. На охране, сотрудниках офиса, Люсе и Катерине и даже бабкином коте.

Зарываюсь в дела с головой, благо их действительно много. Новый салон только-только набирает обороты и без контроля с моей стороны никак. К тому же с этой недели мы запустили рекламную кампанию перед открытием сразу трех новых ресторанов. Официальная дата назначена, а это не повод расслабляться.

Но утомительные обязанности все равно не спасают положение.

Мне хреново. Мои мысли либо с неизвестно где пропадающим Кляйсом, либо с Алексом, который уехал с дядей на новое месторождение на следующий день после случая в его флигеле.

Ни один, ни второй мне ни разу не позвонили. Первый, скорее всего, уже свалил из города, второй – вне зоны действия сети.

Хотя... кому я вру?.. Алекс, даже находясь в городе, не стал бы со мной общаться.

Идиот гордый. Ведет себя так, словно я ему в верности клялась.

Смешно.

Нет, не смешно. Когда тебя больше не хотят – это унижительно.

– Лева, роз купи мне.

Кивнув, охранник связывается с группой сопровождения и просит Вадика остановиться у цветочного бутика. Через несколько минут на сидение рядом опускается благоухающая охапка.

– Спасибо.

Дышу их ароматом, а напряжение не отпускает. Мне не нравится, что Алекс переключился на работу на месторождении нефрита и оставил меня на Льва. К последнему претензий нет, но с Грозовым мне спокойнее.

Оказавшись дома, я принимаю душ и решаю навестить бабушку. Может, на этот раз что-нибудь мудрое скажет. Подхожу к ее покоям и вижу, что дверь прикрыта неплотно. Сквозь узкую щель, подсвеченный тусклым светом, валит табачный дым.

Опять дымит.

Приблизившись, бесшумно отворяю дверь и встаю на пороге. Бабка в гостиной не одна. Сидя в кресле и глядя в окно, беседует с Митричем. Затягиваясь сигаретой, тут же пригубляет ликер.

Качая головой, я тихо усмехаюсь. Пусть только потом заикнется про давление.

– У него было время уехать, – вдруг говорит крестный, делая неопределенный жест рукой, удерживающей бокал, –

кто ж виноват, что он debil?

Поняв, что они сплетничают, я наостряю слух.

– Он, Коленька, не debil, он @бнутый на всю голову.

Затихаю и, стараясь не выдать своего присутствия, выхожу из комнаты и встаю так, чтобы они меня не заметили.

Речь идет о Марке. Только он, по их мнению, достоин подобных эпитетов.

Затаив дыхание, прилипаю ухом к двери.

– Не думаю, что Валя в курсе, что творит его сын, – продолжает размышлять Митрич.

– Да... – тянет бабка, шумно выпуская струю дыма, – Валя спрятал бы Крысеньша понадежней.

Марка?! Он у Шумовых?!

Я холодею от ужаса. Сердце, сжавшись в комочек ноет от боли. Шумовы никогда ничего не делают просто так. Если он у них, дело плохо.

Меня начинает мутить, в глазах плывут темные круги. Значит, скоро заболит голова.

– Ну-у... мы-то тут ни при чем, Лизавета Тихоновна, – воодушевленно проговаривает крестный, – нам остается только наблюдать, да ждать чем дело кончится.

Бабка скрипуче смеется. Немного кашляет, а затем замолкает. Я, напуганная, что меня сейчас рассекретят, на цыпочках убегаю к себе.

Массируя виски, кружу по комнате загнанным зверем. Марк у Шумовых и, судя по всему, не в гостях.

Идиот! Меня трясет от страха и злости. Какого черта он к ним полез? Зачем дразнить бешеную собаку?

Представив, что они с ним могут сделать, я хватаюсь за горло. В девяностых о подвалах Шумовых шептался весь город, я слышала, что у них даже свое кладбище было.

Схватив телефон, набираю его номер.

Абонент недоступен.

Это усиливает мою панику. Встаю у окна и, дергая волосы, в бессилии бьюсь лбом о стекло.

Что делать?!

В этот момент внизу, у входа на террасу, мелькает фигура Митрича. Остановившись у парапета, старик гладит бабкиного кота. Я резко дергаю балконную дверь на себя и выбегаю наружу. Бегу по террасе мимо окон дома и спускаюсь вниз.

– О! Ирмочка! – смотрит на меня снизу вверх, – прогуляться вышла?

Он заметил, что последние дни я депрессую и поэтому теперь старается говорить со мной ласково, как с больным ребенком.

– Ага!.. – выдыхаю, запыхавшись, – пройдемся?

Беру его под локоть и подвожу к ступенькам, ведущим в сад. Уже темно, и зажгли фонари по периметру усадьбы. В их желтом свете, кружась, бьется мошкара.

– Ты чего такая? – насторожившись, спрашивает Митрич.

Видимо чувствует, как дрожит моя рука.

– По городу слухи ходят...

– Это какие? – смотрит на меня с подозрением.

– Говорят, Кляйс у Шумовых в застенках томится.

Стараясь, чтобы голос звучал легкомысленно, издаю веселый смешок.

– Кто говорит?

– Да так... люди...

– П@здят. Уехал он.

Я резко останавливаюсь. Выдергиваю руку и обхватываю свои плечи. Ночная прохлада и ужас, гуляющий по венам, промораживают до костей.

– Зачем ты врешь? – шиплю в круглое лицо.

Крестный краснеет. Поджав тонкие губы, сощуривает глаза.

– Подслушивала? Не стыдно?

– Нет! Тебе же врать не стыдно!

Отвернувшись, он сует руки в карманы брюк и идет дальше. Я за ним. Стараясь попасть в шаг, заглядываю ему в лицо.

– Как это произошло? Я думала, он уехал.

– Мы тоже так думали. Но этот щенок за каким-то хреном пошел к Антону Шумову... – раздраженно выдыхает, – говорят, там перестрелка была...

– Марк ранен?! – выкрикиваю, чувствуя, как подгибаются колени.

– Не знаю. Мне сказали, он у Антона в подвале одного из

кабаков в пригороде.

– Кто сказал?

– Сорока на хвосте принесла!

На самом деле, мне совсем не важно, от кого крестный это узнал. У него в городе целая сеть информаторов и шпионов, но он никогда не называет имен. Подозреваю, они есть и в окружении самого Шумова.

Сильно нервничая, начинаю грызть костяшки пальцев. Дурная привычка, от которой никак не избавиться.

– Что с ним будет?

– Что будет – то будет! Нас это не касается!

Я немного отстаю. Судорожно раздумываю, как вытащить оттуда Марка. В том, что это надо сделать, я ни секунды не сомневаюсь, потому что... потому что...

Черт! Потому что этот подонок должен жить! Он слишком молод, чтобы умереть!

Потому что я не смогу спать, зная, что он страдает.

– Ирма, – слышу строгий голос Митрича, – даже не думай...

– Его надо вытащить.

– Нет!

– Пожалуйста! Теперь ты понимаешь, что он говорил правду о том, что восемь лет назад его, как и меня подставили?!

Митрич хмуро молчит. Остановившись, пихает нос в бутон белой розы, кривит лицо и громко чихает.

– Они и наказали его за то, что он пытается донести до нас правду!

– Да откуда ты знаешь, за что они его наказали? Может, он пьяный на Антошку с ножом полез? Он же отмороженный!

– Ну, Митрич... – обнимаю его плечи, – миленький, давай вытащим, а...

Он смотрит на меня, как на дурочку.

– Ты думаешь, это реально? Это тебе не котенка из колодца вытащить. Как ты себе это представляешь?

– Я не знаю... – хнычу, заламывая руки.

– Нет, Ирма, – качает решительно головой, – плохая идея. Я в это не поеду.

Глава 12.

От отчаянья хочется орать. Да я, понимаю, что вытащить Марка будет не просто и осознаю все риски. Но и бездействовать тоже не могу.

Размышляю, не сунуться ли к бабке, но передумываю. Она, скорее всего, уже спит. Да и какой с нее помощник.

Здесь помочь может только один человек.

Алекс.

С его возможностями и профессионализмом – это как ребенка из детского сада забрать. Только он на такое не пойдет, если не будет прямого указания дяди.

Беру телефон и набираю зама Грозового, Льва.

– Ирма Сергеевна? – взволнованно спрашивает он, – что-то случилось?

– Нет. Лев, ты не знаешь, когда дядя возвращается?

– У меня нет такой информации.

– Ясно... – вздыхаю разочарованно.

Новое месторождение теперь отнимает все его время. Насколько я успела понять, оно огромно, но находится в труднодоступном месте, в пойме двух горных рек. На северном склоне горы, состоящей в основном из скальника. Чтобы организовать добычу, потребуются огромные силы и вложения.

– У тебя есть с ними связь? С Алексом связаться можешь?

– С Грозовым? – переспрашивает быстро, – зачем?

Эммм... он же в городе.

Получив неожиданный укол в грудь, приваливаюсь спиной к стене.

– Как в городе? Я его не видела.

– Так он отпуск взял.

Просто чудесно. Начальник моей охраны в отпуске, а меня даже в известность не поставили.

Осознание захлестывает волной гнева.

В отпуске?! Какой, к чертовой матери, отпуск?! Я его не отпускала!

– Спасибо, Лева, – срывая злость на охраннике, цежу едко.

Отбиваюсь и сразу набираю Алекса. Он отвечает спустя несколько долгих секунд. В трубке гремит музыка, голос усталый.

– Ирма?

– Алекс, а ты где?

Слышу, что музыка отдаляется, видимо, вышел куда-то.

– Я в отпуске.

– Да? И почему я об этом узнаю только сейчас?

– Понятия не имею, – отзывается ровно, – что-то случилось?

И тут я вспоминаю о цели моего звонка. Запоздало жалея о выбранном тоне, сдержанно вздыхаю.

– Мне нужна твоя помощь, Алекс.

– Какая именно, Ирма? – спрашивает с усмешкой, очевидно намекая на нашу последнюю встречу.

Прикрыв глаза, закусываю губы. От стыда горят кончики ушей.

– Не телефонный разговор. Ты можешь приехать?

– Не могу, – проговаривает тихо, – если твоей жизни ничего не угрожает – не вижу смысла дергаться.

– Алекс, мне больше не к кому обратиться.

В трубке слышится усмешка.

– Дай-ка угадаю, ты хочешь, чтобы я спас задницу Кляйса.

– Ты знал?!

– Ложись спать, Ирма. И не забивай себе голову всяким дерьмом.

Услышав в трубке короткие гудки, ошарашенно распахиваю рот.

Он что, трубку бросил?! Он что себе позволяет?! Охамел в край!

Тут же перезваниваю снова, но натыкаюсь на голос автоответчика.

Вот же сволочь!

Кровь в венах начинает пузыриться. Злость на Грозового вытесняет все остальные чувства. Сжав кулаки, я представляю, что сделаю с ним, когда встречу.

Я ему такой разгон устрою! Я его... уволю! Вылетит с работы, как пробка!

Тыча в телефон пальцем, снова набираю Льва.

– Ирма Сергеевна?

– Мне срочно нужно в Градиент!

– Уже полночь, – напоминает робко.

– Срочно, Лева, – рывкаю я, – иначе тебя уволю тоже!

В итоге через час мой Мерседес паркуется на стоянке закрытого клуба, принадлежащего нашей семье. В том, что Алекс здесь, я не сомневаюсь ни секунды. В нашем городе ему больше идти некуда.

Не к Шумовым же.

Велев Льву следовать за мной, решительным шагом направляюсь в клуб. Несмотря на то, что бываю я здесь крайне редко, мое лицо знают все.

Перебрасываясь короткими взглядами, секьюрити меня тут же пропускают внутрь.

– Грозовой где? – спрашиваю требовательно у охранника на входе.

– В випке, – задирает глаза к потолку, – позвать?

– Я сама.

Зажав подмышкой маленький клатч, быстро иду через забитый танцующими танцпол. Музыка долбит в такт моему сердцу, едкий дым раздражает глаза и носоглотку. Перед тем, как свернуть к винтовой лестнице, цепляюсь взглядом за висящую под потолком клетку. В ней под музыку извивается полуголая девица. Побритая наголо, с пирсингом в сосках и в крошечных кожаных стрингах.

От этого зрелища передергивает. Интересно, как часто наши охранники здесь бывают? И чем они тут занимаются?

Не переставая на нее смотреть, поднимаюсь на второй

уровень и иду к указанной охранником випке. Лева семенит следом.

– Здесь? – спрашиваю у него, словно он должен знать.

Пожав плечами, обходит меня и открывает дверь. Я протискиваюсь между ним и стеной и застываю на пороге. Увиденное повергает в шок.

На стоящих вокруг большого стола диванах сидят мужчины, в которых я узнаю как минимум четверых наших охранников. А на самом столе танцуют две обнаженные девушки.

Третья сидит на коленях Алекса.

На шею словно удавку накидывают. Невозможность сделать глоток воздуха жгет легкие. Не мигая, я наблюдаю, как стройная брюнетка вылизывает его шею.

А он, словно не замечая этого, спокойно беседует с нашим вторым водителем Михаилом. При этом одна его рука на ее бедре, вторая – лениво ласкает обнаженную грудь.

Я задыхаюсь. Расползающаяся в груди едкая желчь плавит ребра.

– Гроза! Алекс! – кричит из-за моей спины Лев.

В такой обстановке услышать сложно, но он слышит. Отвернувшись от собеседника, поворачивает голову в нашу сторону.

Мы встречаемся взглядами. Расслабленность на лице Алекса мгновенно трансформируется в агрессию. Опустив подбородок, смотрит на меня исподлобья.

А я смотрю на него, оглушенная своей реакцией на уви-

денное.

Легонько шлепнув девку по заднице, Грозовой сгоняет ту со своих коленей. Она тут же пересаживается к Михаилу. Сам поднимается и, взяв со спинки дивана свою косуху, идет прямо на меня.

– Лева, че за х@йня?! – набрасывается на напарника.

Берет меня за плечо и грубо выталкивает в коридор.

– Не ори на него, – произношу сипло, – это я заставила.

– Заставила? Ты че, бл@ть, королева?

Внутри у меня что-то с треском ломается. Я понимаю, что удерживать бурлящую в груди кислоту больше не в состоянии. Размахнувшись, бью его по лицу. Руку ломит от боли, а Алекс даже не шелохнулся, только в глазах вспыхивает адское пламя.

– Иди в машину, – велит Льву, глядя при этом в мое лицо.

Лева, будто только этого и ждал, моментально испаряется.

– Прости, что помешала, – цежу, складывая руки на груди.

– Что ты от меня хочешь?

Невольно отвожу взгляд. Вид сидящей на его коленях проститутки выбил из головы все мысли.

– Помоги его вытащить, – прошу тихо, – я заплачу.

Алекс тоже отворачивается, тяжело дыша, смотрит пустым взглядом в стену.

– Сколько? – спрашивает, наконец, – сколько ты готова за него заплатить?

– Назови сумму.

Он молчит. Пауза растягивается на несколько невыносимо долгих минут.

Я прикрываю глаза. Мне плохо. Каждый вдох, наполненный запахом его кожи, наполняет безумной болью.

– Поедем, – вздыхает Грозовой, – я тебя домой отвезу.

Глава 13.

– Ты сможешь? – спрашиваю, когда Алекс усаживается за руль своего внедорожника.

Игнорируя вопрос, он набирает Льва и по телефону дает указание следовать за нами второй машиной. После чего отключается и выезжает из подземного паркинга.

Положив голову на подголовник, незаметно на него смотрю. Спазм в горле не отпускает. За все время наших отношений, если можно их так назвать, я ни разу не допустила мысли, что он параллельно со мной может спать еще с кем-то.

Мы никогда этого не обсуждали, но мне казалось, что формат наших отношений подразумевал верность с его стороны. Что, если ему самому так не казалось, и свои нечастые выходные он проводил время с проститутками?

Пытаясь протолкнуть застрявший в глотке ком в желудок, тяжело сглатываю.

Но, как бы там ни было, выяснять отношения с ним сейчас я не собираюсь. Все кончено.

– Так сможешь или нет? – повторяю вопрос.

– Нет.

– Почему?

– Это не входит в мои обязанности, – отстраненным тоном отвечает Алекс.

Вообще-то, входит. Мы оба знаем, что он не единожды

выполнял и не такие поручения дяди.

– Я такой же твой работодатель, как и мой дядя, мои поручения тоже входят в сферу твоих обязанностей.

– Да? – задрав бровь, смотрит на меня с усмешкой, – так может, спросим у твоего дяди, что входит, а что не входит в сферу моих обязанностей, Ирма?

Я отвечаю яростным взглядом. Его неповиновение ставит в тупик.

– Неужели тебе так сложно мне помочь? Не бесплатно! – акцентирую голосом, – насколько я поняла, там почти нет охраны. Просто забрать Марка и все!

– Зачем он тебе? Что ты с ним будешь делать?

Да ничего я не буду с ним делать! Я просто хочу вытащить его оттуда и отправить куда-нибудь подальше. Но обиженная стерва внутри меня вслух произносит совсем другое.

– А вот это тебя уже не касается.

Какое-то время Грозовой молчит, но меня его внешнее спокойствие не обманывает. Крылья носа раздуваются, а вдоль линии челюсти перекатываются желваки. Он в бешенстве.

– Что, первая любовь не забывается, да, Ирма? Мало он тебе говна сделал? Еще хочешь?

– Закрой рот, – шиплю я.

– Нравится, когда тебя используют, как половую тряпку? Возбуждает?

Захлебываюсь обидой. Он никогда еще со мной так не раз-

говаривал. Кожа лица горит, как ошпаренная.

– Что... ты себе позволяешь?.. – выдавливаю с трудом, – забыл, с кем разговариваешь?

Машина Алекса останавливается у наших ворот. Подав сигнал охране, он ждет, пока они разъедутся. Останавливается на подъездной аллее и, обойдя джип впереди, открывает для меня дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.